

Андреев Игорь Владимирович

**М. Я. Острогорский и П. Н. Милюков о "человеческом измерении" партийной деятельности**

В статье рассматриваются представления видных идеологов русского либерализма начала XX века М. Я. Острогорского и П. Н. Милюкова о роли и месте личности в политических партиях. Пытаясь выявить истоки принципиальных расхождений этих мыслителей в восприятии данной темы ("пессимистичном" у Острогорского и "оптимистичном" у Милюкова), автор отмечает акцентировку ими различных компонентов позитивистской теории и методологии, что, в свою очередь, было обусловлено нетождественностью их исходных ценностных и политико-мировоззренческих установок.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/3.html](http://www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/3.html)

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. III. С. 19-24. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/3.html](http://www.gramota.net/editions/3.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/](http://www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/)

**© Издательство "Грамота"**

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)  
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [voprosy\\_hist@gramota.net](mailto:voprosy_hist@gramota.net)

## RED ARMY PROVISION WITH COMMUNICATION MEANS BY SOVIET INDUSTRY BY THE BEGINNING OF GREAT PATRIOTIC WAR

**Timofei Vladimirovich Alekseev**, Ph. D. in History  
Department of Social-Economic Disciplines  
Military-Cosmic Academy named after A. F. Mozhaitskii  
alekseev-timofejj@rambler.ru

The author considers the condition of Red Army provision with communication means by the beginning of Great Patriotic War, substantiates that soviet industry could not provide the army with necessary technical means neither in quantitative nor in qualitative sense and concludes that this fact was one of the reasons of Red Army failure at the beginning of the war.

*Key words and phrases:* communication means; communication industry; Great Patriotic War; signal communication troops.

УДК 101.1:316

*В статье рассматриваются представления видных идеологов русского либерализма начала XX века М. Я. Острогорского и П. Н. Милюкова о роли и месте личности в политических партиях. Пытаясь выявить истоки принципиальных расхождений этих мыслителей в восприятии данной темы («пессимистичном» у Острогорского и «оптимистичном» у Милюкова), автор отмечает акцентировку ими различных компонентов позитивистской теории и методологии, что, в свою очередь, было обусловлено нетождественностью их исходных ценностных и политико-мировоззренческих установок.*

*Ключевые слова и фразы:* М. Я. Острогорский; П. Н. Милюков; политические институты; политические партии; партийная деятельность; социально-философские основания теории политических партий; индивид; личность; внутрипартийные межличностные отношения; позитивизм.

**Игорь Владимирович Андреев**, к. филос. н., доцент  
Кафедра истории, философии и социологии  
Московская государственная академия коммунального хозяйства и строительства  
i1532@yandex.ru

### М. Я. ОСТРОГОРСКИЙ И П. Н. МИЛЮКОВ О «ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ» ПАРТИЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ<sup>©</sup>

В начале XX века русский либерализм переживал переломный момент своего развития. С одной стороны, вовлечение в протестное движение широких народных масс требовало существенного усиления социальной направленности политических программ русских либералов. С другой стороны, расширившиеся возможности легальной политической деятельности мотивировали развитие тех направлений политической теории, которые были связаны с выявлением закономерностей становления и развития различных типов политических систем, особенностей взаимодействия политических институтов – как государственных, так и негосударственных – политических партий, групп интересов и т.д.

Всё большее значение, в частности, приобретало накопление знания в относительно новой сфере политической науки – теории политических партий (партологии). Уже позднее, оказавшись в эмиграции, такой выдающийся лидер русского либерализма как П. Н. Милюков констатировал, что именно провалы в теоретической разработке проблематики политических партий, а также ошибки в определении стратегии и тактики партийных структур оказались едва ли не определяющим фактором катастрофического развития революционного процесса в нашей стране. «За неполное приспособление политических партий к условиям и требованиям русской действительности, – подчеркивал он, – Россия поплатилась неудачей двух своих революций...» [8, с. 12].

Одной из дискуссионных тем оказалась проблематика роли и места индивида в партийной деятельности. И это было вполне закономерно, учитывая как значимость решения данного круга проблем для строительства эффективных, конкурентоспособных партийных механизмов русского либерализма, так и известный разброс мнений по этой тематике в среде либеральной общественности. Проблематика «человеческого измерения» партийной деятельности носила комплексный характер, включая в себя, по меньшей мере, три основных аспекта. Прежде всего, следует отметить вопрос о статусно-ролевых характеристиках членов партии, их правах и обязанностях, во многом обуславливавших психологическое самочувствие индивида – участника партийной деятельности. Немаловажным аспектом был и вопрос о наилучших способах координации действий членов партии, обеспечивавших достижение партией ожидаемого результата на арене политического противоборства. И, наконец, принципиальной проблемой было достижение хотя бы относительного соответствия между качеством межличностного взаимодействия внутри либеральной партии и базовыми характеристиками социальных отношений в рамках той модели общественного устройства, практическую реализацию которой либералы артикулировали как конечную цель своих усилий.

На первый взгляд, стоявшая перед русскими либералами задача теоретической разработки данного проблемного поля существенно облегчалась тем обстоятельством, что как раз накануне Первой русской революции один из их соотечественников и единомышленников приобрел известность в мировом научном сообществе публикацией капитального труда об институте политических партий, который и поныне расценивается как значимый вклад в становление современной партологии. Речь идет о М. Я. Острогорском – авторе изданной в 1902 г. на английском и французском языках двухтомной монографии «Демократия и организация политических партий», обобщившей опыт эволюции партийных систем США и Великобритании (сокращённый вариант этого труда под названием «Демократия и политические партии» в 1912 г. вышел в свет во Франции, а затем трижды – в 1927-1930, 1997 и 2010 гг. – публиковался в нашей стране). Увы, основное препятствие в деле использования русскими либералами теоретических выводов этого мыслителя состояло в том, что, вопреки традициям своих коллег по научному цеху, склонных «влюбляться» в объект своих многолетних исследований, он, наоборот, пришел к итоговому выводу об абсолютной непригодности института политических партий для целей дальнейшего совершенствования политических систем не только на Западе, но и (с небольшими оговорками) в России.

Разумеется, для большинства русских либералов, не мысливших расширения своего политического влияния иначе как посредством деятельности своей эффективной политической партии, такой вывод был неприемлемым, хотя, казалось бы, аргументы Острогорского были достаточно весомыми. Например, в качестве ключевого доказательства истощения институтом политических партий смысла своего существования ученый указывал на всё более явное размывание идейно-политического имиджа партий, их своеобразия. Резкой критике подверг Острогорский американские и английские партии и за принятую ими на себя роль представительства интересов крупной буржуазии. Это обусловило, по его мнению, системный кризис демократических политических систем, превратившихся из инструмента реализации народной воли в рычаг осуществления власти «плутократии». Интересной проблемой, впервые поднятой русским мыслителем и вызывающей живой интерес политологов и поныне, является феномен невозможности однозначного истолкования результатов выборов, связанный с отсутствием точного ответа на вопрос о том, какие именно пункты программы победившей партии получили одобрение электората (так называемый «парадокс Острогорского», с целью раскрытия природы которого в настоящее время предложен ряд логико-математических интерпретаций).

Тема нашей статьи, однако, побуждает нас уделить наибольшее внимание результатам анализа Острогорским внутрипартийных межличностных отношений, качество которых он также оценивал крайне низко. По его мнению, двумя базовыми типами личности в составе политических партий были, с одной стороны, представитель партийной элиты – «человек [партийной] машины», «интриган» и «кукловод» [11, с. 619] и, с другой стороны, политически некомпетентный, безынициативный рядовой член партии. Партийные элиты, полагал Острогорский, стремясь компенсировать ослабление идейных оснований солидарности между членами партии, сделали ставку на развитие централизации в руководстве партийными организациями, ужесточение внутрипартийной дисциплины и борьбы с инакомыслием, насаждение культа партийных лидеров, превратив тем самым этот политический институт в «школу рабского подчинения» [Там же, с. 557]. В целом межличностные отношения в рамках партийных структур Острогорский охарактеризовал как «корпорацию», «низкую форму солидарности», «внешнее единообразие», лишь маскирующее «противопоставленных друг другу» индивидов [Там же, с. 547].

Один из основных истоков данной ситуации Острогорский обнаружил в *гносеологических* аспектах партийной деятельности, а именно в неспособности массового политического сознания, в том числе и сознания рядовых членов политических партий, разобраться в сложных, включающих множество положений партийных программах. «...Интеллектуальный кругозор и внимание среднего человека очень ограничены», полагал ученый, и адекватно воспринять он может «лишь один-единственный и видимый всем объект». Переход за эти границы приводит к тому, что «взор» гражданина «затуманивается», и если он и будет двигаться «в указанном направлении», то лишь «совершенно пассивно» [Там же], становясь, таким образом, марионеткой в руках партийных функционеров.

Решение проблемы М. Я. Острогорский пытался обнаружить в рамках либеральной парадигмы «рационалистического индивидуализма», предполагавшей создание условий для усиления интеллектуальной составляющей личностной и групповой деятельности [Там же, с. 115, 192]. Главный тезис предложенного мыслителем проекта реформы политической системы заключался в вытеснении из общественной жизни (в том числе и с помощью юридических механизмов) политических партий и замене их системой временных узкоспециализированных групп интересов, способных эффективно реагировать на «бесконечно более многочисленные и разнородные», чем ранее, проблемы. Участие в группах интересов позволило бы гражданам, полагал ученый, значительно лучше осознавать цели своей политической деятельности, принимать более грамотные и ответственные решения, контролировать поведение руководства общественно-политических организаций, не допуская его бюрократизации и «олигархизации» и способствуя формированию новой генерации лидеров уже не на основе «условного критерия» преданности партии, а на основе «критерия личных заслуг» [Там же, с. 573]. Он верил, что взаимоотношения людей в этих «свободных союзах» будут коренным образом отличаться от партийной «корпорации», представляя собой «разумную ассоциацию, которая возвышает души и, объединяя, сливает их...» [Там же, с. 547].

Надо сказать, что накануне Первой русской революции идеи о принципиальной порочности института политических партий получили определённое распространение в России. Нередкими на страницах периодических изданий были оценки партийной дисциплины как «морального насилия», а партийных программ как

«партийной узости» и т.д. В начале революции предпринимались и попытки создания общественно-политических структур, свободных от подобного рода «негативных» особенностей института политических партий (например, Партия демократических реформ М. М. Ковалевского, «Клуб независимых» Е. Н. Трубецкого и др.). Однако основная часть русской либеральной контрэлиты такого рода настроения и подходы не разделяла. Особо выдающуюся роль в развернутой либералами идеологической кампании в защиту принципа политической партийности сыграл признанный лидер Конституционно-демократической партии П. Н. Милюков.

По мнению П. Н. Милюкова, критики института политических партий – «наши литературные и ученые индивидуалисты» – видимо, не осознавали, что предлагавшиеся ими рецепты «беспартийной» самоорганизации были малоприменимы в ситуации острого политического противоборства. Оценивая, например, потенциал «Клуба независимых» Е. Н. Трубецкого, Милюков считал «невозможной» сколько-нибудь значимую практическую деятельность этой структуры, вынужденной, по этой причине, лишь поддерживать те или иные «настоящие партии» [6, с. 121].

Основываясь на опыте деятельности только что возникшей кадетской партии, П. Н. Милюков решительно опроверг и доводы своих оппонентов относительно деградации персональных качеств членов политических партий. Лидер кадетов отмечал, что, напротив, его соратники значительно превосходили средний личностный уровень российского обывателя, продемонстрировав высокую политическую информированность, убежденность в своей правоте, желание и умение решать практические политические задачи. Как подчеркивал П. Н. Милюков, не склонные «насилловать» чью-либо политическую «совесть», кадеты обладали в то же время «чувством той внутренней дисциплины, которая заставляет подчинять частности высшему целому» [Там же, с. 114-115].

Несколькими годами позже в дискуссии с «веховцами» П. Н. Милюков интерпретировал генезис института российских политических партий в контексте двухвекового процесса трансформации русской интеллигенции «из состояния кружковой замкнутости на положение определенной общественной группы». Историк утверждал, что масоны, декабристы, студенческие кружки, профсоюзы и, наконец, партии — все эти социально-политические феномены представляли собой «постепенно расширяющиеся концентрические круги» влияния интеллигенции на общественные отношения. При этом особенно примечательной представляется оценка Милюковым политических партий как *последнего по времени* «концентрического круга» социального влияния интеллигенции; тем самым он констатировал, что именно в рамках данного политического института получили *наибольшее на тот момент развитие* такие позитивные тенденции развития этой общественной группы, как прогрессирующее ослабление сектантского характера и дифференциация содержания «интеллигентской идеологии», улучшение ряда ключевых параметров социальной деятельности интеллигенции (конкретность и определенность задач, целенаправленность, непрерывность, организованность, систематичность) [7, с. 296-297]. По сути дела, историк постулировал *вывод о политической партии как об одной из наиболее перспективных форм самореализации интеллигенции на рубеже XIX – XX веков*.

Естественной является постановка вопроса о *социально-философских основаниях* столь серьезного расхождения во взглядах на институт политических партий этих видных идеологов русского либерализма. Следует отметить, что применительно к Острогорскому решение этого вопроса наталкивается на значительные затруднения ввиду отсутствия у этого мыслителя не только работ по социальной философии, но и фундаментальных исследований долговременных тенденций исторического процесса (как в России, так и на Западе). Исторические рамки главных его произведений включают лишь характеристику закономерностей трансформации традиционного (феодального) общества в индустриальное общество и некоторых тенденций развития последнего. Впрочем, и в рамках этого ограниченного «формата» мыслитель сумел высказать ряд примечательных суждений. В частности, ещё в конце 80-х гг. XIX в. Острогорский обратил внимание на такую важную новую особенность индустриального общества, как возникновение на основе «концентрации капитала» «монополий», обеспечивших себе фактический «контроль над государством». Он дал негативную оценку социальной роли крупной буржуазии, ставшей движущей силой этих изменений: её интересы ученый считал деструктивными, «противостоящими общему интересу» [12, р. 58-59].

Обозначив этот новый этап индустриального общества как «финансовый феодализм», Острогорский отметил связанную с ним тенденцию кризиса индивидуалистического, «эмансипированного» типа личности и вытеснения его новым – «ослабленным» – типом личности, чертами которого являются социальная пассивность, конформизм, подверженность политико-психологическому манипулированию, узкий горизонт политического сознания [11, с. 555, 560]. Дегуманизация межличностных отношений в рамках института политических партий выступала, с его точки зрения, одним из проявлений этой общей тенденции.

В отличие от М. Я. Острогорского, П. Н. Милюков уже в своих ранних работах сформулировал один из важных критериев общественного прогресса – постепенное возрастание доли «общественно-целесообразных поступков». Мыслитель считал, что родоплеменные союзы, государственные органы, структуры сословной организации являются последовательными историческими формами, в рамках которых осуществлялась координация практических действий социальных групп и индивидов, имевшая целью обеспечение «на выходе» некоей суммы социально-приемлемых результатов. Политические партии Милюков рассматривал как один из новейших и наиболее эффективных институтов в континууме этих исторических форм, в деятельности которого функции представительства *совокупных* общественных интересов просматриваются, по сравнению с предшествующими формами, в наиболее отчетливом виде [5, с. 4-10].

Однако и этот экскурс в область социально-философских оснований партологических представлений М. Я. Острогорского и П. Н. Милюкова ещё не даёт окончательного ответа на вопрос о методологических

истоках вышеуказанной коллизии их выводов, поскольку, как известно, оба этих мыслителя позиционировали себя как последователей одного и того же идейного течения – *позитивизма*. М. Я. Острогорского вдохновляло творчество Дж. Ст. Милля, которого он считал «величайшим мыслителем своего века» [11, с. 75], а П. Н. Миллюков называл себя учеником О. Конта и Г. Спенсера [9, с. 11].

На наш взгляд, решение этой задачи заключается в признании того обстоятельства, что существенным компонентом методологического инструментария политического мыслителя является не совокупность базовых положений того или иного философского направления «вообще», а система *ценностных, политико-мировоззренческих установок* учёного, которая и определяет, *какие именно* из этих положений будут играть ключевую роль в его исследовательском проекте. В этом отношении подходы М. Я. Острогорского и П. Н. Миллюкова заметно различались.

Так, у М. Я. Острогорского, именовавшего себя «пессимистом» в плане восприятия актуальных тенденций социального развития, приведших к разрушению либеральной модели политического устройства в её, по его мнению, аутентичной, т.е. аристократической форме [11, с. 549, 619], вполне естественно превалирующую роль в комплексе подходов к осмыслению феномена политических партий заняли опасения Дж. Ст. Милля относительно неоправданно быстрого вовлечения в политику «некомпетентных» народных масс. Поэтому и осуществлённый с этих позиций анализ современных массовых политических партий мог привести Острогорского лишь к выводу о пагубной в целом роли этого института, используемого партийными функционерами для продвижения своих групповых интересов (а попутно – и интересов олигархической бизнес-элиты) и циничного манипулирования вышедшими «из народа» сторонниками партий.

Существенно иной была точка зрения «оптимиста» П. Н. Миллюкова, не усматривавшего *принципиальной* угрозы либеральным ценностям в процессе демократизации общества. В идеале, вероятно, П. Н. Миллюков даже рассчитывал на возникновение в России ситуации, аналогичной имевшему место в конце 70-х гг. XIX в. эпизоду политической истории Болгарии, когда либеральная партия «не была даже “партией”: она была... “народом”, т.е. народ не отделял её от себя...» [4, с. 574]. Поэтому на Миллюкова, помимо О. Конта и Г. Спенсера, столь же ожидаемо повлияли взгляды другого видного позитивиста – основоположника американской социологии Л. Уорда, акцентировавшего ключевую роль в социальной эволюции *интеллекта и воли* людей [10, с. 206-207]. В этой связи очевидное для Миллюкова обогащение личностного потенциала индивидов в рамках партийных структур представлялось ему не только эмпирическим фактом, но и частным проявлением указанной Уордом социальной закономерности.

Таким образом, в основе коллизии представлений М. Я. Острогорского и П. Н. Миллюкова о «человеческом измерении» партийной деятельности лежала принадлежность этих мыслителей к *различным историческим этапам эволюции либерализма*: если Острогорский идентифицировал себя с традиционным, «классическим» вариантом этого идейно-политического течения, то Миллюков был представителем уже «нового» (социального) либерализма. При этом следует оговориться, что тяготение Острогорского к «классическому» либеральным постулатам всё же в значительной степени носило, так сказать, «ностальгический» характер и, в общем, не выражалось в призывах к урезанию уже ставших реальностью демократических прав и свобод. Он настойчиво декларировал своё намерение «синтезировать» базовые характеристики олигархически-аристократической и демократической политических систем, категорически отрицая в этой связи и целесообразность упразднения «партий» как таковых. Он разъяснял, что «свободные союзы» – это тоже «партии», но уже очищенные от дефектов одноимённых структур, в которых критически мыслящий и ценностно-ориентированный индивид находится в ситуации безнадёжного противостояния со ставленниками «плутократии» – «боссами» и «толпой» их последователей из «простонародья» [11, с. 564, 569-579].

С тех пор, когда Острогорский и Миллюков вели этот заочный диспут, минуло более ста лет. Уместно задаться вопросом: в какой мере богатый опыт партийного строительства XX-XXI вв. подтвердил или опроверг аргументы этих выдающихся представителей русской либеральной мысли?

Казалось бы, однозначно правым оказался П. Н. Миллюков, поскольку, как свидетельствует практика, институт политических партий продемонстрировал значительные резервы жизнестойкости. В первую очередь это объясняется, конечно, причинами общеполитического плана, например, сохранением заметных идеологических различий между сегментами партийно-политического спектра. Кроме того, надо признать, что предложенная Острогорским «идеальная» альтернатива системе «партийного правоверия» – институт узкоспециализированных групп интересов, монопольно контролирующих сферу политики, – отнюдь не была оптимальным решением, в частности, и вследствие своего «человеческого измерения». Ведь Острогорский предлагал, по сути дела, *навсегда*, безотносительно к дальнейшему прогрессу образования и культуры, снять проблему *развития* политического сознания граждан, «законсервировав» его действительно невысокий (с чем согласны и многие современные исследователи) уровень кругом решения единичных «очевидных» вопросов.

Вместе с тем верно и то, что продолжение исторического бытия института политических партий частично было обусловлено тем, что во многих из них получили развитие организационные и процедурные механизмы, обеспечивающие определённую автономию индивида в рамках партийных структур, в известной мере гарантирующие его от акцентированных Острогорским зол – диктата «большинства» и партийной элиты (например, совершенствование института первичных выборов, право члена партии не участвовать в реализации тех партийных решений, которые он не одобряет, и т.д.). Впрочем, институт политических партий не смог до конца изжить свои дефекты, в наши дни вызывающие негативную реакцию граждан, особенно представителей интеллигенции и студенчества, вовлечённых в политический процесс. Традиционные

партии подвергаются острой критике за их оторванность от гражданского общества, за рецидивы бюрократизма в деятельности партийных структур, за неспособность адекватно реагировать на запросы рядовых членов и избирателей. В современной политологии широко распространено мнение об имеющем место «кризисе партийной политики», проявлениями которого выступают сокращение численности и «старение» состава партий, ослабление их поддержки со стороны общества. Вновь и вновь повторяющиеся попытки политически активных представителей «новых средних» слоёв создать свои «антипартийные партии» (по выражению одного из ранних идеологов немецких «зелёных» П. Келли [1, с. 45]), возможно, представляют собой долгосрочную тенденцию поиска некоего *синтеза* традиционных форм партийной организации и современных моделей узкоспециализированных групп интересов.

На наш взгляд, большего внимания со стороны историков социологической науки заслуживают и размышления М. Я. Острогорского о формировании «ослабленного» типа личности, в какой-то мере, возможно, повлиявшие на становление социологии «массового общества», причём как её консервативного (Х. Ортега-и-Гассет), так и либерально-критического (К. Маннгейм, Д. Рисмен) направлений.

Примечательно также, что выводы Острогорского продемонстрировали определенный эвристический и прогностический потенциал применительно не только к либеральным и консервативным партиям, являвшимся непосредственным объектом его исследования, но и к «внесистемным» партиям и протопартийным группировкам. Это обстоятельство, кстати, дало А. Н. Медушевскому повод сформулировать интересную (хотя, на наш взгляд, и нуждающуюся в дальнейшем обосновании) гипотезу о том, что исследовательский проект Острогорского, осуществлённый исключительно на западном материале, представлял собой в то же время «тонкий синтез» как западной, так и российской политической практики; поэтому он может быть понят как своеобразная попытка путём анализа западных политических партий найти ответы на вопросы, поставленные политической жизнью России с её традициями народнических и марксистских подпольных кружков, с её феноменом партии «нового типа» [3, с. 115]. В этой связи А. Н. Медушевский обратил внимание и на то, каким образом первое русское издание «Демократии и политических партий», осуществлённое в 1927-1930 гг., интерпретировалось читателями. А. Н. Медушевский отметил, что разделы книги, содержавшие картины манипулирования массами, превращения партий в машины по производству готовых решений, монополизации власти партийной бюрократией, несомненно, содержали для мыслящих граждан неконтролируемый подтекст, с которым было трудно совладать в условиях острой внутрипартийной борьбы, дискуссии о термидорианском перерождении партии, появления особого слоя партийного жречества [2, с. 306].

Увы, Острогорский не предпринял непосредственного, предметного, обстоятельного исследования феномена большевистской партии, заблокировавшей после 1917 г. попытки либералов направить политический процесс в русло контролируемых конституционных реформ (а Милюков осуществил этот анализ уже *post factum*, в эмиграции). Увлечённые поиском различных вариантов обеспечения условий для свободного самовыражения индивидов в рамках партийно-политических структур, они слишком поздно задались вопросом о причинах необычайной эффективности партии «нового типа», о победоносной природе её «демократического централизма» и идейной монолитности. А сконструированные кадетами в условиях гражданской войны оригинальные формы политической организации, бросившие вызов «сражающейся партии» коммунистов («Национальный центр» и др.), уже не имели времени для укоренения на российской почве.

По мнению многих наблюдателей, современный виток развития института политических партий в России кое в чём напоминает реалии отечественной политической истории периода 1905-1917 гг. Этим, прежде всего, и обусловлена актуальность обращения к творческому наследию русских либералов начала XX века. И достижения, и просчёты М. Я. Острогорского, П. Н. Милюкова, других либеральных теоретиков – это наш значимый, не подлежащий забвению опыт, способный, быть может, помочь нам избежать некоторых ошибок и препятствий на пути политической модернизации.

#### Список литературы

1. «Зелёные»: идеология и политика. М.: Молодая гвардия, 1985. 190 с.
2. Медушевский А. Н. Диалог со временем: российские конституционалисты конца XIX – начала XX века. М.: Новый хронограф, 2010. 488 с.
3. Медушевский А. Н. М. Я. Острогорский и политическая социология в XX веке // Социологические исследования. 1992. № 8. С. 113-124.
4. Милюков П. Н. Болгарская конституция // Политический строй современных государств / под ред. П. Д. Драгомирова и И. И. Петрункевича. СПб., 1905. Ч. 1. С. 545-652.
5. Милюков П. Н. Введение в курс русской истории: лекции, читанные П. Н. Милюковым на Московских педагогических курсах. М.: Лит. Р. Рихтер, 1895. Ч. 3. 1894-1895 учебный год. 192 с.
6. Милюков П. Н. Год борьбы: публицистическая хроника. 1905-1906. СПб.: Общественная польза, 1907. 550 с.
7. Милюков П. Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи. Интеллигенция в России: сб. ст. 1909-1910. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 294-381.
8. Милюков П. Н. История второй русской революции: воспоминания, мемуары. Мн.: Харвест, 2002. 752 с.
9. Милюков П. Н. История русской нации. М.: Эксмо, 2008. 864 с.
10. Милюков П. Н. Новая книга по социологии: рец. на кн.: Барт П. Философия истории как социология. СПб., 1890. Ч. 1 // Мир Божий. 1899. № 12. С. 196-215 (1-й пагинации).
11. Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН, 1997. 640 с.
12. Ostrogorski M. De l'organisation des partis politiques aux Etats-Unis. P.: Ancienne librairie Germer Bailliere et C°, 1889. 100 p.

**M. YA. OSTROGORSKII AND P. N. MILYUKOV ABOUT "HUMAN DIMENSION" OF PARTY ACTIVITY**

**Igor' Vladimirovich Andreev**, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor  
Department of History, Philosophy and Sociology  
Moscow State Academy of Communal Services and Construction  
i1532@yandex.ru

The author reveals the ideas of the Russian liberalism eminent ideologists of the beginning of the XX<sup>th</sup> century - M. Ya. Ostrogorskii and P. N. Milyukov - about a personality's role and position in political parties; trying to identify the fundamental differences origins in the thinkers' perception of this subject (Ostrogorskii's "pessimistic" one and Milyukov's "optimistic" one), demonstrates the accentuation of various components in positivist theory and methodology by these ideologists, which, in turn, is conditioned by the non-identity of their original value systems and political-worldview attitudes.

**Key words and phrases:** M. Ya. Ostrogorskii; P. N. Milyukov; political institutions; political parties; party activity; social-philosophical foundations of political parties theory; individual; personality; intraparty interpersonal relationships; positivism.

УДК 94(470+571):332.135

*В статье анализируются вопросы теоретической интерпретации и моделирования интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Выделяются основные этапы и итоги их эволюции на современном этапе. Особое внимание обращается на пространственно-территориальный компонент данного процесса в контексте изучения проблемы центрально-периферийной конфигурации региона Содружества. Предлагаются различные сценарии формирования его пространственной композиции.*

**Ключевые слова и фразы:** вертикальная интеграция; горизонтальная интеграция; дезинтеграция; интеграционная система; периферия; регион; реинтеграция; центр; эволюция.

**Ольга Владимировна Бахлова**, д. полит. н., доцент  
Кафедра всеобщей истории и мирового политического процесса  
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева  
olga.bahlova@gmail.com

**ЭВОЛЮЦИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЦЕНТРАЛЬНО-ПЕРИФЕРИЙНУЮ КОНФИГУРАЦИЮ РЕГИОНА<sup>©</sup>**

*Статья выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (проект 14.740.11.0239).*

В процессах, характеризующих создание и эволюцию Содружества Независимых Государств (СНГ) и субрегиональных объединений на пространстве бывшего Советского Союза, проявляется весьма значительный пространственно-территориальный компонент. Он имеет отношение как к геополитическому статусу и роли региона в современных условиях, так и к внутренней ситуации в постсоветских государствах. Под воздействием комплекса факторов эндогенного и экзогенного происхождения их пространственная композиция, ее символическое наполнение и структура претерпели существенные изменения. Можно говорить о внешнем и внутреннем измерениях, в которых они нашли свое выражение. Прежде всего, обратим внимание на трансформацию конфигурации региона Содружества в контексте диверсификации здесь интеграционных форматов. Полюсами притяжения для постсоветских государств выступают Европейский Союз (ЕС), Организация экономического сотрудничества (ОЭС), Содружество Независимых Государств, субрегиональные объединения (Евразийское Экономическое Сообщество – ЕврАзЭС, Организация Договора о коллективной безопасности – ОДКБ и др.). Геополитическая целостность постсоветского пространства и даже пространства СНГ весьма сомнительна. Фактически оно включает фрагменты «Большой Европы», «тюркского общего рынка», «Большой Восточной Азии», усеченной сферы влияния России. Однако зачастую связующим звеном региональной и особенно – субрегиональных систем и стержнем «положительной» или «негативной» идентификации для участия постсоветских государств в тех или иных союзах выступает именно Россия, опирающаяся на свою историческую и геополитическую роль, экономический потенциал, социокультурные и цивилизационные параметры.

Как пояснялось еще в «Основных положениях Концепции внешней политики Российской Федерации» 1993 г., Россия в отношении новых независимых государств будет придерживаться принципиально новой стратегии межгосударственных отношений, основанной «на принципах равноправия и взаимной выгоды». Теоретически такая стратегия соответствует модели горизонтальной интеграции. Одновременно, в духе политики «нового мышления» позднего советского периода, подтверждался отказ от имперской политики, а именно, – от «элементов имперского высокомерия и эгоцентризма», присущих бывшему СССР [7, с. 20]. Таким образом, отвергалась